

МОСКВА
Издательство АСТ

Когда за мной закрылась тяжелая дверь тюремной камеры, я рухнул на кровать, даже не вспомнив о необходимости разуться. Слишком долго ждал этого момента — примерно три с половиной часа, пока длился торжественный обед, устроенный в мою честь комендантом Холоми. Сэр Камши славный человек, но на мой вкус, немного чересчур гостеприимный. Лично я, заметив, что мой гость засыпает над тарелкой, обычно говорю: «Хватит жрать», — и отпускаю беднягу с миром. Впрочем, возможно, это была такая изоциренная месть? Насколько я помню, мы неплохо ладили в ту пору, когда нынешний комендант Королевской тюрьмы был подающим надежды лейтенантом Городской полиции, но я уже не раз обнаруживал, что люди, с которыми я, по собственному убеждению, «неплохо ладил», на самом деле годами таят обиду за какое-нибудь недоразумение, ну или просто боятся меня как огня. И теперь на всякий случай стараюсь учитывать такую возможность. Получается плохо, но само по себе намерение приятно разнообразит мою интеллектуальную жизнь.

Но главное, что этот грешный обед в какой-то момент все-таки завершился. И я, как положено настоя-

щему герою, дожил до счастливого финала, такой молодец. За это был с подобающими почестями водворен в тюремную камеру. И даже заперт по всем правилам, после чего дверь, как это принято в Холоми, исчезла, превратившись в гладкую стену, хотя это, на мой взгляд, уже лишнее. Какой из меня сейчас, к Темным Магистрам, беглец. У меня и раздеться-то сил нет.

Как это часто бывает в состоянии предельной усталости, я долго не мог заснуть. Лежал на спине, смотрел в потолок, улыбался — просто потому, что убрать с лица приветливую улыбку, предназначенную сэру Камши, оказалось ничуть не легче, чем снять сапоги, и думал: «Вот я и допрыгался до тюрьмы». Оценить комизм ситуации я все еще мог, но только теоретически. Ничего, выплюсь, потом посмеюсь.

В Холоми я угодил по решению специально созванного для расправы со мной суда в составе Королевского знахаря Абилата Параса и начальника Тайного Сыска сэра Джуффина Халли. Нынешний Великий Магистр Ордена Семилистника, якобы Благодного и, как ни удивительно, все еще Единственного, не только не возражал против этого беззакония, а, подозреваю, еще и подзуживал; доказательств у меня нет, но сердце не обманешь. Умею я, что называется, выбирать друзей.

Все они по каким-то неизъяснимым причинам чрезвычайно дорожат моей жизнью. И в своем маниакальном стремлении ее сохранить способны на воистину ужасные поступки. Например, сгноить меня в Королевской тюрьме.

Официально считалось, будто я доработался до нервного срыва. Неофициально — что я до него доот-

дыхался. Правда где-то посередине: на самом деле я понятия не имею, где заканчивается моя работа и начинается отдых. И не то чтобы горю желанием непременно разобраться в данном вопросе. Все это вместе — просто моя жизнь. Прекрасная и удивительная; по крайней мере, лично мне другой не надо.

Плохо тут только то, что организм мне достался крайне неудачной конструкции: он неспособен обходиться без ежедневного долгого сна. И никакое могущество не помогает, скорее наоборот: чем больше колдую, тем дольше мне потом надо спать. В смысле именно спать без задних ног, а не предаваться искусству сновидений, которое — сюрприз, сюрприз! — оказывается вовсе не заменяет полноценный отдых. Вот это, кстати, очень обидно было узнать. Я-то рассчитывал сэкономить кучу времени, назначая часть дружеских встреч и романтических свиданий во сне, а оказалось, после них надо дополнительно отсыпаться. И это уже ни в какие ворота — ни Кехервара Завоевателя, ни Пролом Тойхи Менки, ни Трех Мостов.

Так называемый «нервный срыв» в моем исполнении выглядел куда более безобидно, чем элементарное пьянство на рабочем месте. То есть я вообще никаких бед не натворил, просто грешным делом перепутал несколько простеньких заклинаний — со сложными у меня, хвала Магистрам, даже в бессознательном состоянии не бывает проблем — да пару раз ушел Темным Путем не совсем туда, куда изначально намеревался; Впрочем, тут же вернулся целым и невредимым, так что совершенно непонятно, зачем было поднимать такой шум. Однако они, конечно, подняли — все эти кошмарные существа из иного мира, прикинувшиеся моими

друзьями. Их хлебом не корми, дай поизмываться над беззащитным мной.

Сперва они попытались отправить меня в отпуск. Не то чтобы я возражал, наоборот, подпрыгнул до потолка и побежал паковать дорожную сумку. Проблема в том, что отправить в отпуск человека, обученного ходить Темным Путем и при этом решительно не способного построить самый элементарный барьер от Безмолвной речи, технически невозможно. Потому что в его голове постоянно будут звучать голоса — друзей, приятелей, просто знакомых и, между прочим, коллег, у которых внезапно что-то стряслось, начиная с ужасающих видений после пирожков с какой-то хитрой начинкой в безымянном трактире, бесследно исчезнувшем сразу после ужина, и заканчивая очередным ночным концертом Маленького Оркестра — отпускником, но такое событие нельзя пропустить.

Лучше всех в жанре сиротской песни на тему «Мы без тебя пропадем» выступил заместитель начальника Городской Полиции. Его можно понять, в последнее время жители столицы Соединенного Королевства начали как-то очень уж изощренно чудить, а когда случается нечто из ряда вон выходящее, принято звать меня; подозреваю, просто по ассоциации, благо я из этого грешного ряда тоже регулярно куда-то выхожу. Вот и Трикки Лай ни в чем себе не отказывал, звал меня на помощь чуть ли не по дюжине раз на дню, а послать его к дуриским лешим у меня язык не поворачивается, он мне практически родственник. То есть создатель чудовища, которое я приютил.

Означенное чудовище, кстати сказать, в этот самый момент сдавало вступительные экзамены в Королев-

ский Университет, а потому желало ежедневно рыдать от ужаса, радости и просто избытка впечатлений, предпочтительно на моей груди. Как медом ей там намазано. И вообще всем.

В итоге так называемый отпуск незаметно превратился в обычные рабочие будни, только и счастья, что ночевал я не дома, а в роскошной гостинице на дальнем краю Мира, но какая разница, где спать какие-то несчастные три часа.

В общем, отпуск меня окончательно доконал. После чего сэр Шурф получил уникальную возможность испытать на мне все усыпляющие заклинания, которые успел вы зубрить за свою, по местным меркам, не то чтобы слишком долгую, но чрезвычайно насыщенную жизнь. Мне понравилось быть жертвой его бесчеловечных экспериментов, однако даже самые мощные заклинания действовали на меня хорошо если вполсилы. То есть, просыпался я не по команде наложившего их чародея, как, по идее, принято среди приличных людей, а когда мне заблагорассудится — от всякого присланного зова, скрипа половиц в прихожей, шума ветра, стука дождя, или просто от того, что кто-то где-то сейчас обо мне вспомнил, иногда достаточно даже такого пустяка. Друг мой Абилат говорит, что так проявляет себя моя беспокойная жадность к жизни; но на самом деле ясно, что я просто очень упрямый и никому не позволю всерьез себя заколдовать. Даже ближайшему другу. Собственно, в первую очередь ему. А то как, интересно, я потом буду перед ним выпендриваться? Нет, не пойдет.

Некоторое время сэр Джуффин Халли наблюдал за мной с присущим ему интересом исследователя всякой

неведомой херни, но в конце концов решил положить конец безобразию и заточил меня в Холоми на целую дюжину дней. В общем, правильно сделал: Королевская тюрьма и правда идеальное место для того, чтобы устроить отпуск придурку вроде меня, готовому подорваться куда угодно по первому зову. Безмолвная речь в Холоми не действует, как, впрочем, и любая другая магия. Здесь даже искусством сновидений особо не развлечешься. И Темным Путем отсюда хрен куда-то уйдешь. Нет — значит нет.

Именно то, что надо.

Для начала я проспал почти два дня. Рассказывают, что дежурные охранники, получившие строжайший наказ не беспокоить меня, пока сам не позову, на вторые сутки начали нервничать и бегать к начальству с предложениями проверить, жив я еще или нет. К счастью, комендант человек несгибаемый, не позволил им меня разбудить, хотя потом признался, что и сам уже втайне прикидывал, как он будет объясняться с сэром Джуфффином Халли, обнаружив в камере мой хладный труп.

Однако на исходе второго дня я воскрес и в наказание за такое поведение был немедленно подвергнут гастрономическим пыткам, продолжавшимся чуть ли не до полуночи; впрочем, не то чтобы я возражал. Потом проспал еще полночи и проснулся настолько окончательно и бесповоротно живым, что сам удивился — тому, что так долго удовлетворялся жалким подобием этого ощущения. И даже не поленился специально сходить в кабинет коменданта, где работает Безмолвная речь, чтобы послать зов Джуфффину и сказать: «Спасибо. Ты меня натурально спас. Больше ни за что, никогда...»

«Чистосердечное покаяние заключенных всегда трогало мое сердце, — перебил меня шеф Тайного Сыска. — Однако оно еще никогда не являлось достаточно веской причиной для сокращения срока. Так что иди дрыхни дальше, счастливчик».

Вот же черт. Я был почти уверен, что Джуффин скажет: «Выспался? Вот и хорошо, мы тут без тебя зашиваемся, немедленно дуй в Дом у Моста».

Правда, огорчился я только теоретически, что вышло не по-моему. А на практике еще целых три дня наслаждался безмятежной жизнью в камере для особо опасных государственных преступников среди узорчатых подушек, расписных кружек с превосходной тюремной камрой и книг из библиотеки Холоми, одной из лучших в Соединенном Королевстве; впрочем, будучи любителем беллетристики, которую здесь никто не пишет, я не способен оценить ее по достоинству, только перерывать сверху донизу в поисках старинных мемуаров уандукских мореходов, хоть сколько-то соответствующих моим представлениям об увлекательном чтении. По крайней мере, они подробно описывают Мир, который я еще толком не успел изучить.

Считается, будто долгое тюремное заключение должно способствовать исправлению преступника. Эта идея всегда казалась мне, мягко говоря, наивной, однако моему исправлению заточение и правда поспособствовало. По крайней мере, на пятый день я дал себе честное слово срочно научиться ставить эту клятую защиту от Безмолвной речи, без которой мой прекрасно распланированный отпуск превратился Магистры

знают во что. Все говорят, фокус как фокус, ничего особенного, по крайней мере, для человека, овладевшего угуландской Белой магией хотя бы до восьмидесятой ступени; подозреваю, мне это до сих пор не удавалось только потому, что на самом деле я не хотел закрываться от Безмолвной речи, как когда-то в позапозапрошлой, уже почти забытой жизни не решался отключать на ночь домашний телефон — а вдруг в этот самый момент стряется что-то Невероятно Важное, и мне позвонят, чтобы сообщить? Некоторые дурные привычки надолго переживают людей, которые их завели.

Раскаяние мое свидетельствовало не столько о пробуждении разума, сколько о том, что я уже отдохнул как следует. В смысле изрядно заскучал. Перспектива провести в уютной тюремной камере еще целых семь дней окончательно перестала казаться мне забавной. Все это я попробовал объяснить сэру Джуффину Халли во время очередного сеанса связи, но он меня и слушать не стал. Заявил, что наш Абилат — лучший знахарь Соединенного Королевства, и уж если он велел продержать меня без работы, развлечений и колдовства целую дюжину дней, значит, так надо. Хотя, конечно, может быть, и не надо. Но все равно лучше не рисковать.

В финале нашей беседы я в очередной раз порадовался что не умею убивать силой мысли на расстоянии: все-таки Джуффин мне еще пригодится, мало ли что вот прямо сейчас я сержусь. И впервые в жизни всерьез огорчился, что не умею вышивать крестиком. Ну или ткать гобелены. За оставшиеся семь дней можно было бы успеть создать монументальное историческое полотно, повествующее обо всех моих подвигах. Иных идей, как приятно и с пользой провести это время у меня не было. Ну в самом деле, не роман же писать.

...К счастью, у моего организма есть одно чудесное свойство; вернее, чудесных свойств у этого паразита несколько больше, чем требуется для приятной жизни, но среди них есть как минимум одно очень полезное: уж если мне чего-нибудь позарез приспичит, я это, будьте уверены, получу. В том числе приключений на свою задницу. В смысле развлечений. Даже в Королевской тюрьме.

Поэтому я совершенно не удивился, когда в неурочное время, примерно в три часа пополуночи, в одной из стен моей уютной камеры появилась дверь. И начала открываться — медленно, с угрожающим скрипом, как здесь заведено. Я поспешно отложил в сторону «Отчеты о восемнадцати странствиях капитана Хуруна цан Авойли по торговым делам» и с интересом уставился на дверь. Не то чтобы я никогда прежде не видел открывающихся дверей, просто живший полторы тысячи лет назад куманский капитан Хуруна цан Авойли умудрился написать настолько скучные мемуары, что любой повод хотя бы ненадолго от них отвлечься был хорош.

Наконец дверь открылась, и в мою камеру вошел комендант Холоми сэра Тойхи Камши. Выглядел он сейчас как в те времена, когда был лейтенантом Городской полиции и врвался среди ночи в мой кабинет, встревоженный очередным загадочным происшествием, смущенный, что ему приходится в очередной раз беспокоить коллегу из Тайного Сыска, и одновременно злой — на то, что без меня снова не обойтись. Хотя последнее обстоятельство он, конечно, умело скрывал. В первую очередь, от себя.

— У вас что, узник сбежал? — спросил я.

Вообще-то сбежать из Холоми практически невозможно; единственный известный мне способ — договориться с разумными камнями, из которых построен замок, и доказать им свою невиновность; впрочем, после недавнего инцидента камни твердо пообещали больше никогда не заниматься самоуправством. Но других идей, зачем бы коменданту врываться ко мне среди ночи в настолько растрепанных чувствах, у меня не было.

Однако Камши отрицательно помотал головой.

— Хуже.

В этот момент я наконец понял сэра Джуффина Халли, который оживает при всяком намеке на серьезные неприятности. Понял не теоретически, а всем сердцем — сам стал таким психом. Неужели шефу Тайного Сыска настолько же скучно с сотрудниками, как мне с мемуарами Хуруны цан Авойли? Я-то думал, мы довольно забавные, даже на его вкус.

Боюсь, мне не удалось скрыть охватившую меня радость; впрочем, Камши, глядя на мою довольную физиономию, тоже несколько приободрился. Сказал:

— Мне строго-настрого запретили донимать вас делами и даже просто серьезными разговорами. Сказали, надо беречь ваш покой. Но ситуация критическая: по всему выходит, что у нас просыпается Дух Холоми. Вот прямо сейчас.

— Что-то он зачастил в последнее время, — растерянно заметил я.

— Вы правы, сэр Макс. С его последнего пробуждения еще и года не прошло. И вот опять. Если начнет плясать, сами знаете, чем это может кончиться: в лучшем случае рухнет крепость, в худшем — вообще вся столица; по крайней мере, так говорят. При этом сэр

Халли вот уже полчаса не отвечает на зов. Вероятно, ушел на Темную Сторону.

— Наверняка, — подтвердил я. — Он туда часто ходит.

— И сэр Шурф тоже не отвечает, — мрачно добавил комендант.

Ничего удивительного. Вот уж у кого с защитным барьером от Безмолвной речи с раннего детства никаких проблем. К тому же, сейчас все так удачно сложилось, что я в Холоми. А значит, гарантированно не свалюсь ему на голову среди ночи. Наконец-то можно с легким сердцем выстроить прочную стену между собой и остальным миром и спокойно уединиться в Орденской библиотеке, а то и вовсе пойти спать.

— Остаетесь только вы, сэр Макс, — заключил Камши. — Больше некого звать на помощь. А ждать до утра слишком опасно.

— Да слушайте, вообще не вопрос, — улыбнулся я. — С удовольствием повидаюсь с Духом Холоми. Я по нему скучал.

«Скучал» — это, конечно, некоторое преувеличение. Если называть вещи своими именами, бесстыдное пижонство. Отлично я жил без этого грешного Духа Холоми долгие годы и еще столько прожил бы. Три раза по столько. Вечно, всегда.

На самом деле, я совсем не люблю неприятности, а пробуждение Духа Холоми — не просто неприятность, а катастрофа, одна из худших, какую только можно вообразить. Ужас в том, что природа этого явления не до конца понятна даже самым опытным исследователям. Официальная версия, на самом деле ничего толком не объясняющая, гласит, что замок Холоми, пост-

роенный точно в том самом месте, которое называется «Сердцем Мира», представляет собой не столько архитектурное сооружение, сколько живое существо, со всеми вытекающими последствиями. В смысле от него в любой момент можно ожидать каких угодно проблем. Например, пробуждения так называемого Духа Холоми, большого любителя поплясать; согласно древним легендам, которым на всякий случай верят даже записные скептики вроде сэра Джуффина Халли, такая дискотека чревата крупномасштабными разрушениями, возможно вообще от всего Угуланда камня на камне не останется; к счастью, на практике эту гипотезу до сих пор никто не проверял, благо в любую эпоху находятся колдуны достаточно могущественные, чтобы предотвратить танцы — сгрести плясуна в охапку и очень крепко держать, пока не успокоится и снова не уснет.

В общем, хорошего мало. Однако доля правды в моей похвальбе все-таки была. Когда сэр Джуффин Халли застрял в Тихом Городе, и нам волей-неволей пришлось без него справиться*, Дух Холоми, с которым прежде традиционно разбирался шеф, в очередной раз решил пробудиться и как следует поплясать. Шурф, прежде несколько раз помогавший Джуффину укрощать это бедствие, отправился в Холоми — а что было делать? А меня взял с собой, просто от безысходности, как своего рода талисман. И, как выяснилось, правильно сделал, потому что я этого беспокойного Духа Холоми натурально заговорил. В смысле до полусмерти заболтал — тоже, собственно, от безысходности. Просто не знал, чем еще могу помочь. Поздоровался с про-

---

* Об этом периоде в жизни Тайного Сыска рассказывается в повести «Тихий Город».

буждающейся стихией неведомой нам природы, представился, как всегда увлекся, объясняя, кто я такой, откуда взялся и зачем пришел, слово за слово, и сам не заметил, как начал травить байки, болтал почти сутки без перерыва, пока Дух Холоми не утомился моей многословностью и не счел за благо снова заснуть.

Поэтому у меня была некоторая надежда, что сейчас тоже так выйдет. Тем более, что новых баек у меня с тех пор изрядно прибавилось. По крайней мере, до утра как-нибудь продержимся, — думал я, шагая по тюремному коридору. — А там и Шурф проснется, и Джуффин объявится. Не могли же они оба одновременно сгинуть навек, пока я сижу в Холоми. Не настолько они вероломны. То есть вероломны, конечно, как все угуландские колдуны старой закалки, но всему есть предел.

— На самом деле может еще обойдется, — неуверенно говорил Камши, пока мы спускались по лестнице в подвал, настолько глубокий, что лично я на месте коменданта Холоми давным-давно пригласил бы сюда инженеров и велел бы им срочно изобрести лифт. — Все-таки из всех признаков скорого пробуждения пока только редкие стоны и красный дым. Но стены и пол не трясутся. И в жар не бросает, когда рядом с камнями стоишь.

— Ничего, — отвечал ему я, боюсь, ненамного уверенней. — Как-нибудь разберемся. Все будет хорошо.

— Как же меня это бесит! — с несвойственной ему обычно искренностью вдруг сказал Камши. И тут же, спохватившись, добавил: — Не ваши слова, сэр Макс. А то, что я сам не способен с ним сладить. По идее, все, что происходит в Холоми, моя ответственность. Надо